

УДК 271.2:2-523.4(470.2)

**МОНАСТЫРИ ОЛОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ:
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОЛЬ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
(XVIII – НАЧАЛО XX В.)**

Пулькин М.В.

Статья посвящена проблемам возрождения и развития православных монашеских общин Русского Севера после губительных для них процессов секуляризации. Основная часть деятельности монастырей в рассматриваемый период приходилась на время существенных изменений в общественном сознании, вызванных буржуазными реформами. В этой связи заметно возрастало значение православных обителей как оплота духовности и христианских норм жизни. Основное внимание в статье уделено проблемам внутренней жизни православных обителей: хозяйственным процессам, нормам и особенностям управления монастырями, внутреннему устройству монастырских сообществ, контролю над их деятельностью со стороны духовной власти.

Ключевые слова: аскетизм, верующие, монахи, православные общины, религиозная жизнь.

**THE OLONETS DIOCESE MONASTERIES:
PUBLIC ROLE AND MAIN DEVELOPMENT TRENDS
(18TH AND EARLY 20TH CENTURIES)**

Pulkin M.V.

The article discusses the revival and development of the problems of the Orthodox monastic communities in the Russian North after the destructive processes of secularization. The main part of the monasteries activity in the review period fell on the time of significant changes in the public consciousness caused by bourgeois reforms. In this regard, the significance of Orthodox monasteries as a stronghold of spirituality and Christian norms of life increased noticeably. The main attention in the article is paid to the problems of the internal life of Orthodox monasteries: economic

processes, norms and features of the management of monasteries, the internal structure of monastic communities, control over their activities by the spiritual authorities.

Keywords: asceticism, believers, monks, Orthodox communities, religious life.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН по теме: «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII-XXI вв.: новые подходы и интерпретации» (номер государственной регистрации 121070700117-1).

Проблемы монастырской истории привлекают в настоящее время широкий круг исследователей, становятся одной из наиболее востребованных тем в конфессиональной проблематике [см.: 10; 47; 38]. История северных монастырей не стала исключением [см.: 16; 23, с. 159-172]. Начало XVIII в., принесшее новый, наиболее масштабный за всю историю русско-шведский конфликт, стало одним из наиболее противоречивых периодов в жизни монастырей Карелии. Находившиеся в непосредственной близости от театра военных действий обители не могли не испытывать негативного воздействия происходивших потрясений. Ситуацию усугубляло привлечение монастырей к разнообразным работам, связанным с обеспечением военной промышленности. Наконец, уменьшение потока паломников, сокращение численности местного населения, рост влияния старообрядчества, присущие началу XVIII в., наложили неизгладимый отпечаток на состояние карельских монастырей. Но, с другой стороны, произошедшее в ходе Северной войны присоединение Приладожья к России дало возможность восстановить Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, остававшийся заброшенным на протяжении многих десятилетий после Смутного времени. Начало воссоздания Валаамской обители относят к 1715 г., когда архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря Иринарх обратился к императору Петру I с челобитной о передаче обители

острова Валаама и расположенных вокруг него рыбных ловель, что и было осуществлено в 1716 г. В действительности Иринарх не только использовал находившиеся вокруг Валаамского архипелага угодья, но и приступил к воссозданию самой обители. В 1719 г. на Валааме была построена первая после длительного периода запустения монастырская церковь [49, с. 58]. В дальнейшем Кирилло-Белозерский монастырь продолжал поддерживать Валаамскую обитель как «платьем», «работными людьми» так и присылкой иеромонахов [49, с. 60]. Несмотря на государственную поддержку, Валаамский монастырь, как и большинство святых обителей Карелии, находился в этот период в плачевном состоянии. Положение удалось несколько исправить в 1751 г., когда императрица Елизавета пожаловала монастырю 1000 рублей на церковную утварь и иконостас. Благодаря новым щедротам Елизаветы в монастыре началось строительство: возведены кельи, конюшенный двор, мельница. Последовавшее вскоре после этого «упразднение» монастыря во время секуляризации церковных вотчин не принесло серьезного ущерба. В 1780-х гг. императрица Екатерина II поставила монастырь на государственное содержание [4, с. 4; 49, с. 80].

Гораздо более сложной оказалась судьба Александро-Свирского монастыря. Нет сомнений, находясь на территории, ресурсы которой были подчинены интересам «корабельного строения», монастырь поневоле участвовал в происходящем. В 1703 г. в Свирский монастырь пришел указ о том, чтобы святая обитель «своими служебниками и на своих припасах» выжгла известь для отправки в Петербург [31, с. 49]. В дальнейшем на монастырь возложили серьезные административные обязанности: к нему были приписаны 27 монастырей и пустыней Карелии [31, с. 56]. Возросшее значение Александро-Свирского монастыря было сопряжено не только с увеличением круга обязанностей настоятеля и братии, но и с ростом пожертвований. В 1732 г. императрица Анна Иоанновна пожертвовала в пользу Свирского монастыря и его братии 1118 рублей. Значимая роль монастыря и его удобное географическое положение способствовали тому, что в 1764 г., когда было

учреждено Олонецкое викариатство, именно в Александро-Свирском монастыре появилась резиденция епископа Олонецкого и Каргопольского [31, с. 56-57]. Одновременно приписанные к монастырю пустыни были упразднены и превратились в приходские церкви. В некоторых монастырях (как, например, в Палеостровском Рождественском и Климецком Свято-Троицком) до полного уничтожения дело не дошло, но, безусловно, секуляризация оказалась пострашнее жестоких интервентов [45, с. 24]. Не смогли подняться после полученного удара Машезерская, Наглимозерская, Вознесенская и другие пустыни и монастыри. Были переданы в распоряжение клиров близлежащих приходов «упраздненные» Муромский Успенский, Яшеозерский монастыри [1, с. 3-29; 3, с. 21-42]. Необходимо заметить, что хотя монастыри и были выведены в ходе секуляризации «за штат», в них словно по инерции продолжалась религиозная жизнь, проходили богослужения, поступали пожертвования и т.д. [9, л. 1-5].

С начала XIX в. возрождение монастырей стало набирать силу. В 1800 г. была вновь населена и приписана к Александро-Свирскому монастырю Важеозерская пустынь, которая к 1846 г. получила самостоятельность и начала строительство культовых и хозяйственных зданий [2, с. 69-80; 48, с. 23]. В 1817 г. на средства купца Андрея Николаевича Сергеева возобновлена Андрусова Николаевская пустынь. В 1809 г. определен особый причт для Клименецкого монастыря, что послужило первым этапом в возрождении обители, завершившемся в 1833 г. устройством киновии и к 1860 г. – возрождением самостоятельного монастыря [13, с. 345].

Судьба Андрусовой Николаевской пустыни представляется наиболее типичной и одновременно наиболее подробно прослеживается по имеющимся источникам. Первый толчок делу о восстановлении обители дало прошение купца Сергеева, адресованное Новгородскому митрополиту Амвросию. Купец Сергеев предлагал средства для восстановления монастырских построек, разрушившихся за время запустения, сообщал о закупках церковных сосудов, приобретении небольшой ризницы и сообщал о согласии валаамского игумена

Иннокентия отправить в восстанавливаемый монастырь несколько человек из своей братии. А.Н. Сергеев предлагал «к содержанию монашествующих» 6000 рублей из собственных средств. Доходы с указанной значительной суммы в размере 300 рублей в год регулярно поступали в пользу монастыря. Указ Синода, полученный в ответ на аргументированное представление Новгородского митрополита Амвросия, позволял восстановить пустынь «со включением ее в число заштатных монастырей, находящихся на собственном содержании, дозволяя учредить в ней строителя, шесть человек монашествующих». Одновременно с восстановлением обители она получала «те земли и угодья, коими она пользовалась до упразднения» [44, л. 51]. В свою очередь, Новгородский митрополит, как видно из справки Санкт-Петербургской духовной консистории, распорядился приписать упраздненную Андрусову пустынь к Валаамскому монастырю. Решение владыки предполагало перевод из последнего «нужного числа братствующих для ежедневного там богослужения с тем, чтобы сия пустынь и братствующие состояли в полной зависимости и распоряжении Валаамского монастыря» [44, л. 53].

Столь успешное решение проблем воссоздания Андрусовской Николаевской пустыни послужило своеобразным переломным этапом в жизни всех монастырей Карелии. В 1840-1850-е гг. начался новый период в их существовании. Основной его особенностью стало приспособление сохранившихся во время секуляризации обителей к сложившейся ситуации и воссоздание ряда монастырей – Яшезерского, Коневского, Палеостровского, Клименецкого, Важеозерского – за счет пожертвований частных лиц и налаживания собственного, приносящего стабильный доход, внутреннего хозяйства [24, с. 153-160]. Возрождались монастыри, имевшие длительную, хотя и неоднократно прерываемую, традицию существования. Ссылки на это обстоятельство довольно регулярны в документах о восстановлении обителей. В докладе Новгородской духовной консистории об Андрусовском монастыре

читаем: «сему богоугодному месту от древних государей, царей и великих князей жалованы многие выгоды» [11, л. 3].

Становление монастырей, в которых, как говорилось выше, никогда до конца не прекращалась религиозная жизнь, связано с целым рядом сложностей, одной из которых являлось решение вопроса о возвращении утраченных земельных и рыболовных угодий. В 1888 г. сложный судебный процесс, связанный с серьезными затратами, но принесший успех, пришлось выдержать небольшой Задне-Никифоровской пустыни. Она отстаивала свое право на использование «для рыбного промысла» озера Важе, а также на прилегающий к этому озеру участок леса, пригодный для удовлетворения потребности обители «в строевом и дровяном материале» [40, л. 1, 47]. В судебные споры с местным населением вступали как монастыри, которые не были «упразднены» во время секуляризации, так и те, которые были образованы позже, уже после реформы 1764 г. В течение рассматриваемого периода мы лишь однажды сталкиваемся с созданием новой обители, «предшественницей» которой являлась приходская церковь. Ладвинский Боголюбский Кирико-Иулиттинский монастырь был основан в 1903 г. по инициативе одного из жертвователей (В.Ф. Кипрушкина), который предоставил монастырю 18 десятин пахотной и сенокосной земли. В данном случае создание общины основывалось на целом ряде событий: наличии на месте будущего монастыря часовни, построенной в XVII в., устройстве в 1892 г. «дома для призрения стариц Ладвинской волости» и возведении храма во имя мучеников Кирика и Иулитты в память спасения императора Николая II во время путешествия по Японии [24, с. 160-161].

Основная масса монастырей размещалась вблизи крупнейших водоемов – Онежского и Ладожского озер, Белого моря. В ряде случаев монастырь располагался на острове, образуя сообщество аскетов, отгороженное от внешнего мира не только стенами, но и водным пространством. Но все же главным обстоятельством при выборе места были чисто практические соображения: водный путь на протяжении веков оставался единственным удобным и относительно безопасным. Именно благодаря этому обстоятельству

монастырь мог налаживать разнообразные связи с внешним миром и прежде всего – принимать паломников. Учитывались разнообразные хозяйственно-географические факторы. Обращаясь к монастырской экономике в целом, необходимо заметить, что стабильное существование обители, часть братии которой была занята на работах, не связанных напрямую с ведением хозяйства, было возможно только благодаря постоянному притоку пожертвований. Поток пожертвований был непрерывен и не иссякал на протяжении всех периодов существования монастырей в Карелии, но круг дарителей претерпевал некоторые изменения. Большинство из них принадлежало к демократическим слоям общества. Благодаря усердию крестьян, купцов, мещан монастырь получал относительно небольшие вклады в виде денег или земельных участков. Обстоятельства приношений, как правило, довольно слабо отражены в источниках. Вероятно, это были обеты, данные в момент опасности или завещания, по которым денежные средства передавались монастырю для вечного поминовения.

Регулярное поступление сумм, предназначенных для вечного поминовения жертвователей, стало наиболее типичной формой пополнения бюджета монастырей в XIX в. Александрo-Свирский монастырь в 1888 г. получил следующие пожертвования, связанные со «служением молебствия»: от петрозаводского священника Александра Воскресенского на молитвы о здравии его самого, его «чад», а также на молебствие перед мощами Александра Свирского [34, л. 18]. В некоторых случаях пожертвования монастырь получал не в виде денежных сумм, а в виде помощи в создании благолепия. Известный благотворитель Марк Пименов оказал Александрo-Свирскому монастырю, как видно из рапорта архимандрита, помощь в приобретении пьедестала под раку преподобного Александра [27, л. 5]. Существенную помощь монастырям (в том числе и упраздненным) оказывали рабочие некоторых предприятий. В 1824 г., как видно из сообщения заводского правления, мастеровые петербургского литейного завода пожертвовали на поправку церкви Илии пророка в выведенной за штат после секуляризации Машезерской пустыни 67 рублей [39,

л. 1]. В некоторых случаях монастырь получал помощь от крестьянского мира. В прошении начальницы Кирико-Иулиттинского монастыря в адрес епископа говорилось о том, что ей приходится «с большим трудом» выпрашивать «приговор у крестьян Ладвинского общества» для получения лесных материалов [26, л. 4; см. также: 8, л. 26].

К периоду после секуляризации, наиболее бедному сведениями о вкладах, относятся указания на достаточно распространенный способ помощи находившемуся в бедственном положении монастырю – предоставлении ему средств и необходимого для богослужения имущества другой обителью (в частности, Коневскому монастырю оказывал поддержку Деревяницкий монастырь) [15, с. 56]. В более ранний период, в 1717 г., аналогичную поддержку Валаамскому Спасо-Преображенскому монастырю оказал Кирилло-Белозерский монастырь, из которого поступали и средства на восстановление обители на Валааме и откуда были присланы монахи, ставшие первыми насельниками возрождавшейся после длительного периода разорения святыни [18, с. 23]. Чаще помощь выражалась не в материальной, а в организационной форме: из более устойчивого монастыря в обедневший временно переселялись монахи, способные вести богослужение или проявившие организаторские таланты иноки, становившиеся строителями. Иногда помощь организовывалась духовными властями. Появилась особая категория монастырей, известных под именем «приписных», которые именно по неодолимой причине «скудости средств» или отсутствия собственных иеромонахов попадали в зависимость от более крупных обителей. В зависимом положении находилось к началу XVIII в. большинство монастырей Карелии, даже такие впоследствии крупные и знаменитые, как Палеостровский, Яшеозерский и Клименецкий, которые были приписаны к Александро-Свирскому монастырю [37, с. 51].

Подъем ряда монастырей после секуляризации церковных вотчин связан с пожертвованиями со стороны ряда наиболее известных местных купцов, предоставивших средства на строительство или реконструкцию монастырских храмов и хозяйственных построек. Помощь в воссоздании монастырей,

оказанная купцами в 1840-1860-е гг., была безвозмездной и не оговаривалась никакими условиями. Помимо содействия в воссоздании монастыря, купцы нередко способствовали и привлечению «подаяния» в монастырь путем организации монастырских подворий в Петербурге и Москве. Санкт-петербургский купец П.А. Сидоров безвозмездно пожертвовал монастырю участок в Петербурге для строительства часовни. Она в дальнейшем стала «одним из главных источников для материального обеспечения и поддержания Свирского монастыря» [31, с. 69]. Сохранились подробные сведения о лицах, поддержавших каргопольские монастыри в трудные времена. Объемистый список включает знаменитых в России лиц благородного происхождения (например, кн. А.Г. Белосельская-Белозерская), известных купцов, немало сделавших и для других монастырей (И. Малокрошечный), а также многих лиц духовного звания. Общая сумма собранных средств к 1887 г. составила 29 599 руб [5, л. 7-9].

Но даже такие вклады часто не смогли изменить неблагоприятные тенденции в развитии обители. Так в 1876 г. епархиальное начальство предложило закрыть Спасо-Каргопольский монастырь в связи с «малолюдностью», но эта инициатива не нашла поддержки в Синоде [20, л. 8]. Существование монастыря поддерживали не каргопольские горожане, а иногородние благотворители. В начале XIX в. немалую помощь каргопольским монастырям оказал местный уроженец – санкт-петербургский купец Иван Петрович Белоусов. В мужском монастыре он построил несколько келий для послушников, а в женском – три каменных дома для беднейших сестер. Возрождение значения Спасо-Каргопольского монастыря связано с общим оживлением религиозной жизни епархии в начале XX в. С 1900 г. в монастыре начали проходить миссионерские курсы. Как говорилось в отчете, «причиной их устройства было, с одной стороны, сознание недостаточности обычного состава миссии и в увеличенном виде для борьбы с существующим в епархии расколом, а с другой – желание привлечь к этой борьбе лиц из простого народа». Цель курсов состояла в преподавании мирянам «необходимых

сведений по истории и обличению раскола» [19, л. 5]. Главной причиной открытия курсов стало «желание привлечь к борьбе с расколом лиц из среды простого народа» [22, с. 837]. В 1905 г. традиция продолжилась. Вновь местом проведения курсов стал Спасо-Каргопольский монастырь. Обитель не могла обойтись при проведении курсов собственными силами. Руководителем курсов стал епархиальный миссионер священник Д. Островский, а лекторами – окружные миссионеры. Сам факт проведения учебных занятий в Спасо-Каргопольском монастыре повышал статус обители [14, с. 10].

Помимо приведенных выше свидетельств о пожертвованиях в монастыри, важной составляющей доходов каждой обители были те же самые пути пополнения бюджета, которые были присущи крестьянским хозяйствам (масштаб при этом, конечно, был иным). В распоряжении Задне-Никифоровской пустыни находилось 300 десятин леса, предназначенных как для ведения монастырского хозяйства (отопление келий и хозяйственных построек), так и для строительства [31, л. 47]. Такими же чертами характеризовалось хозяйство Свято-Троицкого Клименецкого монастыря, составными частями которого было хлебопашество, скотоводство, сенокос, огородничество и рыбная ловля [35, л. 242]. Еще одной формой пополнения бюджета монастырей становилась сдача в аренду тех угодий, воспользоваться которыми самостоятельно монастырь не мог. Так, в 1830-е гг. Палеостровский монастырь отдал в аренду местным обельным крестьянам принадлежащие ему рыболовные угодья [28, л. 2].

Менее существенные различия между монастырями отмечаются в организации церковных служб. Необходимо заметить, что источники позволяют проследить организацию литургической деятельности в монастырях лишь на самых поздних этапах существования святых обителей. В простые дни богослужение состояло из утрени, литургии, вечерни и правила. При этом каждый день служили по две литургии: сразу после утрени и в девять часов утра. Правило начиналось тотчас после вечерней трапезы и состояло из чтения молитв на сон грядущим, получения прощения и благословения от настоятеля.

Такой порядок обуславливался не только общепринятыми во всех монастырях правилами, но и условиями, на которых представлялись пожертвования. В рапорте архимандрита Александро-Свирского монастыря Макария в адрес епископа указывалось, что «в монастыре <...> по внесенным в него христоролюбивыми благодетелями денежных вкладам должно совершаться вечное поминовение родителей и сродников вкладчиков процентных бумаг и вследствие сего должны быть каждодневно совершаемы две литургии, ранняя и поздняя, и сверх сего каждодневно молебны панихиды во всякое время дня» [12, л. 18].

К числу особенностей монастырской жизни, благодаря которым она приобретала ощутимое сходство во всех обителях, относится, прежде всего, ежедневное и постоянное посещение богослужения, приобщение Святых Христовых Тайн и исповедь каждый пост, отречение от мира, от всего своего имущества и от своей воли при полном подчинении настоятелю. Как правило, иноки не имели права принимать в келье мирских людей, «безвременно» посещать друг друга, иметь более двух пар одежды и обуви. Применительно к монастырям Карелии о соблюдении монастырских правил позволяют судить донесения епархиального начальства в адрес Синода. Так, в донесении о состоянии Клименецкого монастыря указывалось: «В братии хотя и не замечается строгих иноческих подвигов, но все тщатся вести себя сообразно своему званию и все по силе стараются исполнять обязанности, которые требуются чином монастырским» [33, л. 245].

Особенности монастырской жизни наиболее отчетливо прослеживаются исходя из рапортов благочинных, в обязанности которых, в частности, входил постоянный контроль за происходящим в монастырях и информирование епархиального начальства. Как показывают сведения этой разновидности источников, богослужение в монастырях совершалось «по общему церковному уставу», но ежедневным оно было только в Александро-Свирском монастыре, а в других происходило «как число священнослужителей дозволяло» [32, л. 18]. По данным благочинного, изложенным в рапорте за 1851 г., как древние

правила, так и нововведения Духовного регламента (1721 г.) соблюдались повсеместно, за исключением Палеостровского монастыря. В нем, как удалось заметить благочинному, «некоторые из братии отступают от должного порядка». При изучении причин такого отклоняющегося поведения монахов благочинный целиком оказался на стороне настоятеля: «начальствование настоятелей и настоятельниц, – говорилось в рапорте, – было отеческое и материнское и духовное, имеющее целью не один внешний порядок, но и душевное спасение всех и каждого брата и каждой сестры». Таким же было «начальствование» и в Палеостровском монастыре, но здесь некоторые монахи «по их суровости нрава и разстроенному характеру, должного послушания не имели» [29, л. 3-4]. Епархиальная печать с гордостью указывала на успехи одного из настоятелей: «Внешняя и внутренняя сторона самой обители и жизни ее обитателей в настоящее время, благодаря энергии нынешнего настоятеля о. Владимира, строго держащегося устава и порядка монастырского, начинает возрождаться, обновляться, возвышаться, делаться более оживленною» [25, с. 565].

Быстрая адаптация к монастырской жизни и требованиям настоятеля становилась возможной благодаря тому обстоятельству, что значительная часть братии монастырей состояла из представителей духовного сословия (сыновей священно- и церковнослужителей). Формулярные ведомости о монашествующих позволяют выявить биографии 79 иноков. Из них 23 человека – выходцы «из духовного звания». Немного большей была численность крестьянских сыновей: их было 32 человека. Остальные монашествующие являлись выходцами из мещан (8 человек), из военных (8 человек), из купцов (4 человека), чиновников (3 человека); кроме того, в монастыре находилось по одному представителю дворян и вольных хлебопашцев [43, л. 3-55]. Существенными условиями сохранения аскетических традиций в монастырях Карелии стала их непоправимая бедность, которая отталкивала искателей легкой и безбедной жизни и концентрация власти в руках настоятеля, вызванная малочисленностью братии. Вопрос о личностном начале в

монастырской жизни вообще остается слабоизученным. В имеющейся литературе именно строгостью и деловитостью настоятеля объясняются все успехи в духовной и хозяйственной жизни обителей. Вероятно, такой подход имеет рациональную основу. Монастыри Карелии не могли позволить себе слишком большой административный аппарат. Если в крупных монастырях обширное хозяйство и многочисленная братия находились в ведении наместника, казначея, благочинного, ризничного и духовника, то в небольших северных обителях концентрация власти, вероятно, была более высокой. Проблема подбора настоятелей оставалась предметом пристального внимания духовных властей (главным образом, консистории и епископа) на протяжении всего XIX в. Выборы настоятеля монастыря братией или даже просто учет мнений самих монашествующих был крайне редким явлением. Эта особенность организации монастырской жизни нашла отражение даже в епархиальной печати. Так в описании встречи нового настоятеля Александрова Свирского монастыря говорится: «Редко приходилось наблюдать такое, спокойно-радостное, ожидание приезда нового начальника. Сама братия себе, по душе, избрала его, и высшее начальство утвердило его» [17, с. 274].

В большинстве случаев подход к решению кадровых вопросов был бесконечно далек от выборного начала. В некоторых случаях инициатива в перемене настоятелей исходила от самих игуменов монастырей, которые ссылались на невозможность по состоянию здоровья исполнять возложенные на них нелегкие обязанности. Так, например, в прошении в адрес Петрозаводского и Олонецкого епископа Анастасия управляющий Андрусовой пустыней Сергей указывал на неспособность продолжать руководить жизнью общины и обращался с просьбой причислить его к братии Задне-Никифоровской пустыни. По резолюции епископа просьба управляющего была удовлетворена, а на вакантную должность был определен иеромонах Задне-Никифоровской пустыни Симеон [7, л. 2]. В данном случае, как во всех других аналогичных, роль братии (точнее говоря, той ее части, которая в источниках названа «старшей братией») сводилась к участию в приеме и сдаче

монастырского хозяйства от настоятеля к его преемнику [28, л. 18]. Свободно, без участия самих монахов, решая вопрос о назначении настоятелей, епархиальное начальство столь же свободно распоряжалось и находящимися в монастырях рядовыми монахами, давая им самые неожиданные поручения. По указу Синода в 1835 г. епископ Олонецкий и Петрозаводский Игнатий направил для службы на корабли Балтийского флота 5 монахов из местных Александро-Свирского и Палеостровского монастырей, выбрав тех, которые считались «благонадежнейшими по поведению и нравственности» [39, л. 44]. Перевод из одного монастыря в другой по воле епархиального начальства оставался обычным делом [43, л. 1-49].

Завершая разговор об устройстве монастырской общины, необходимо подчеркнуть, что и сам внешний облик монастыря имел существенное значение, отражая бытующие в массовом сознании представления о монашеской жизни. Как отмечает Н.А. Охотина-Линд, «исследования историков архитектуры показали, что, поскольку монастырь в средневековье воспринимался как образ Царствия Небесного, явленного на земле, то на планировку и композицию монастырей, как предполагается, в значительной мере влияло уподобление их небесному граду праведных – горнему Иерусалиму, который, по Апокалипсису, имел форму правильного квадрата» [21, с. 114]. Именно такой и была планировка большинства монастырей Карелии, преемственность в которой сохранялась до XX в. В подавляющем большинстве случаев монастырский комплекс состоял из следующих построек: двух храмов, один из которых, как правило, давал название монастырю, братских келий, «странноприимного дома» и разнообразных хозяйственных построек (мастерских, конюшен и пр.).

Наиболее крупным на территории Карелии в XIX в. стал архитектурный комплекс Валаамского монастыря. Его центральная усадьба включала каменный пятиглавый Спасо-Преображенский собор с примыкающей к нему колокольней, зимнюю гостиницу, корпуса братских келий, водопроводный дом, пристань и ряд часовен. Помимо значительных размеров, Валаамский

монастырь обладал еще одной особенностью: он располагал рядом скитов, жизнь в которых была подчинена значительно более суровому уставу, чем «подвизание» в центральной усадьбе (Никольский, Смоленский, Всехсвятский, Гефсиманский, Воскресенский скиты) [18, с. 74-95]. Прочие монастыри Карелии не располагали ни скитами, ни обширным хозяйством.

Монастырь на Руси играл роль своеобразного «кризисного центра» отнюдь не только для окрестного населения. Обращение к святым угодникам в трудные минуты жизни стало на Руси устойчивой традицией. Возможность вырваться из обыденного жизненного круга позволяла взглянуть на привычное как бы со стороны. Учитывая, что этой «стороной» был монастырь, можно утверждать: паломничество являлось существенным фактором, привносящим нравственные ценности православия в повседневную жизнь. На это обстоятельство неоднократно обращало внимание Синода епархиальное начальство. В отчете о состоянии Вытегорского городского благочиния указывалось: «К проявлениям религиозного настроения прихожан можно отнести <...> путешествия многих из прихожан на богомолье в монастыри: Свирский, Муромский, Соловецкий, Тихвинский» [30, л. 464]. Но этим значение паломничества не исчерпывалось. Напротив, сама дорога к монастырю, по которой «шествовали» паломники, существенно преображалась. По пути к крупным обителям (особенно Соловкам) паломники посещали и более мелкие монастыри, что для последних являлось существенной статьёй дохода. Кроме того, паломничество способствовало своеобразной христианизации пространства, поскольку паломники, наряду с местными жителями, поддерживали существование поклонных крестов и часовен, находящихся у дороги. Наконец, рассказы бывалых паломников создавали особую атмосферу преклонения перед монашеским подвигом. Для одних посещение монастырей становилось неотъемлемой составляющей образа жизни, то другие вынуждены были надолго оставаться в монастыре против собственной воли.

В отчете обер-прокурора Синода за 1911-1912 гг. подчеркивалась благоприятная для Церкви тенденция в отношении православного населения империи к монастырям. Число святых обителей с 1902 по 1912 г. увеличилось с 791 до 914. Новые общины возникали «в громадном большинстве случаев по инициативе самого населения и на средства благочестивых благотворителей». Возрастало значение существующих, имеющих многовековую историю монастырей: «святыни монастырей – люди и чудотворные иконы <...>, создававшиеся в последнее время проповеди за службами, особые назидательные беседы некоторых иноков с богомольцами перед исповедью и причащением, <...> главное же – возможность сосредоточено поговорить, помолиться, подумать о спасении, очистить свою совесть на исповеди – все это привлекает в монастырь множество богомольцев, особенно в посты» [6, с. 104]. Благотворное влияние монастыря на духовную жизнь города стало очевидным современникам. Местное начальство с гордостью указывало на особую религиозность местных жителей: «Благочестивое настроение народонаселения в городе Каргополе, существующее издревле, и ныне не изменилось. Большое стечение народа в церкви бывает преимущественно по храмовым праздникам и особенно при крестных ходах» [36, л. 196 об.].

В современной литературе довольно широко распространено представление о северных монастырях как о своеобразных тюрьмах, в которых страдали политические преступники [46, с. 152-156]. В то же время вниманием обойдена другая роль монастырей, которые становились своеобразными исправительными заведениями для лиц, совершавших безнравственные поступки (пьянство, блуд или неуважение к родителям). Известны случаи отправки в Александро-Свирский монастырь виновных в перечисленных преступлениях лиц, которые были обязаны находиться в обители в течение нескольких лет, принимая участие в работах и выслушивая наставления старцев. Как видно из указа Олонецкой духовной консистории архимандриту Александро-Свирского монастыря Варлааму, в 1785 г. из Петрозаводского уезда в монастырь был сослан мещанин Елизар Петров, который обвинялся в

прелюбодеянии. Петров должен был находиться в монастыре пять лет, в течение которых ему надлежало «исповедываться во все посты в год отцу духовному и при исповеди отец его духовной должен о важности его греха внушать ему своим увещанием и приклонять к чистосердечному раскаянию». Сверх того, Елизар обязывался «в праздничные и воскресные дни при собрании всего народа в паперти церковной полагать по пятидесяти поклонов». На пропитание, как видно из того же указа, Елизару Петрову из средств Олонецкого уездного казначейства выделили средства из расчета 2 копейки в день [42, л. 15]. В документах XIX в. сведения об отправке в монастырь для «исправления» не относящихся к духовному ведомству лиц становятся крайне редкими. В основном речь идет о представителях приходского духовенства, а наиболее часто встречающейся причиной наказания стало «буйное» поведение и венчание «без соблюдения законных предосторожностей» т.е. выяснения возраста жениха и невесты, наличия между ними родства и т.д. [41, л. 45]. В 1835 г. в Палеостровский монастырь был сослан священник Полуборского прихода Андрей Иванов «за повенчание пономарской дочери без воли родителей» [43, л. 46].

Оставаясь своеобразным «исправительным заведением», монастырь одновременно выполнял существенные социальные функции. В XVII в., по данным писцовых книг, довольно распространены были небольшие обители при приходских церквях, состоявшие из нескольких келий, в которых доживали свои дни те «старцы» и «старницы», которые, по каким-либо причинам остались без попечения. В XVIII в. эта функция монастырей сохранилась в рудиментарном виде: в монастыре поселялись неспособные «быть при церкви» священно- и церковнослужители или изувеченные в сражениях солдаты. При отсутствии богаделен наиболее распространенной формой монастырской благотворительности стало создание странноприимных домов и спасательных станций. В описании Свято-Троицкого Климецкого монастыря указывалось, что «все приходящие богомольцы и посетители от монастыря довольствуются содержанием и помещением». В 1876 г. при Климецком монастыре, по данным

того же источника, была открыта спасательная станция и поставлена «сторожка, где по открытии навигации и все лето и до закрытия Онежского озера находится сторож для наблюдения за плавающими по озеру» [35, л. 246]. В Александро-Свирском монастыре, по данным «Сведений» о его «состоянии», подготовленных в 1889 г., «положительных правил относительно призрения бедных» не имелось, однако в течение всего года в монастыре находились как бедные из окрестных селений, так и паломники «из разных, даже отдаленных мест России». Нищие получали, по данным «сведений», хлеб, а паломники трапезу и места «в гостиных номерах и странноприимных келиях от одного до трех дней, а те, кои говеют, и более» [34, л. 20].

Таким образом, становятся понятными причины того факта, что после каждого нового нашествия, каждого нового, порой еще более опасного для монастырей, правительственного мероприятия, святые обители вновь поднимались из руин, продолжая, словно и не было десятилетий запустения, свою привычную жизнь. Причина стабильного существования святых обителей заключается в сочетании двух, на первый взгляд, взаимоисключающих обстоятельств: исключительной гибкости, с одной стороны, и сохранении древних основ монастырской жизни – с другой. В постоянной борьбе за выживание монастыри Карелии смогли, превращаясь в образцовые хозяйства, сохранить свой, несомненно, существовавший моральный авторитет среди многочисленных богомольцев, пристально наблюдающих за всеми изменениями, происходящими в обители. Постоянное увеличение братии монастырей, особенно осязаемое во второй половине XIX в., являлось столь же серьезным испытанием, как и разорение. Но монастыри сумели успешно преодолеть и этот этап развития, преобразовывая вчерашних крестьян в достойных иноков. Рост значения монастырской культуры, увеличение индивидуального начала в ней (особенно отчетливо проявившееся в увеличении круга полномочий настоятеля), не привели к серьезным отступлениям от церковных канонов.

Список литературы:

1. Барсов Е.В. Алфавитный указатель монастырей и пустынь, упраздненных и ныне существующих в Олонецкой епархии, с настоятелями // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867. Отд. III. Петрозаводск. 1867. С. 3-29.
2. Барсов Е.В. Исторический очерк Важеозерской пустыни // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1868-1869 гг. Петрозаводск, 1870. Отд. III. С. 69-80.
3. Барсов Е.В. Палеостров. Его судьба и значение в Обонежском крае с грамотами и другими письменными источниками. М.: Университетская типография, 1868. 204 с.
4. Валаамский монастырь и его подвижники. СПб.: Типо-литография И. Генералова, 1864. 458 с.
5. Ведомость о процентных бумагах, находящихся в Каргопольском Успенском женском монастыре // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 4. Д. 49/20. Л. 7-9.
6. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1911-1912 гг. СПб.: Синодальная типография, 1913. 126 с.
7. Дело о переменах настоятелей монастырей Олонецкой епархии // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 2. Д. 30/1814. Л. 1-21.
8. Дело о разрешении вырубке леса из монастырских дач для монастырской надобности // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 4. Д. 33/12. Л. 1-26.
9. Дело по сообщению заводского правления с приложением денег, пожертвованных Санкт-Петербургского завода мастеровыми на поправку церковью в Машезерской пустыни // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 126. Оп. 2. Д. 4/90. Л. 1-25.
10. Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи. М.: Издание А.Д. Ступина, 1908. XII, 984 с.

11. Доклад Новгородской духовной консистории об Адрусовском монастыре // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 7. Д. 15/1. Л. 1-3.
12. Доношение олонецкому архиерею от временно управляющего Александро-Свирского монастыря // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 1. Д. 70/9. Л. 16-18.
13. Зверинский В.В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1890. 294 с.
14. Здравомыслов А. Миссионерские курсы, четвертые в Олонецкой губернии, вторые в Каргопольском уезде // Олонецкие епархиальные ведомости. 1905. № 1. С. 8-10.
15. Историко-статистическое описание Рождественского Коневского монастыря. СПб.: Печатня В. Головина, 1869. 81 с.
16. Кожевникова Ю.Н. Монашество Олонецкого и Каргопольского уездов в эпоху «запретительных» указов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. № 2. С. 28-35.
17. Красновский А. Из жизни первоклассной обители святого Александра Свирского // Олонецкие епархиальные ведомости. 1910. № 13. С. 273-274.
18. Левиаш Т.Л. Валаам. Петрозаводск: Карелия, 1989. 104 с.
19. Отчет о миссионерских курсах в г. Каргополе // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 14. Д. 62/6. Л. 3-5.
20. Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1880 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 888. Л. 1-45.
21. Охотина-Линд Н.А. Сказание о Валаамском монастыре. Исследование, текст, перевод с древнерусского, комментарии. СПб.: Глаголь, 1996. 256 с.

22. Плотников К. Отчет о миссионерских курсах в г. Каргополе при Спасо-Преображенском монастыре // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 24. С. 837-838.
23. Попова Л.Д. Семиотика сакрального пространства монастырей Поморья // Вестник славянских культур. 2017. Т. 44. С. 159-172.
24. Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. СПб.: Издательство «Воскресение», 1994. 732 с.
25. Празднование дня Преображения Господня в Каргопольском Спасо-Преображенском монастыре в 1905 году // Олонецкие епархиальные ведомости. 1905. № 19. С. 564-565.
26. Прощение начальницы Кирико-Иулиттинского монастыря Олонецкому преосвященному // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 126. Оп. 4. Д. 65/16. Л. 3-4.
27. Рапорт архимандрита Александро-Свирского монастыря о благотворителе М.П. Пименове // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 5. Д. 5/150. Л. 5.
28. Рапорт настоятеля Александро-Свирского монастыря о передаче приемнику монастырского имущества // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 1. Д. 69/3. Л. 18-18 об.
29. Рапорт настоятеля Задне-Никифоровской пустыни // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 4. Д. 50/8. Л. 46-47.
30. Сведения по указанию предметов ежегодного донесения в Святейший Синод епархиального преосвященного о состоянии епархии по Вытегорскому городскому благочинию // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 2. Д. 24/1639. Л. 301-464.
31. Свирский Александров монастырь: Исторический очерк по документам монастырского архива. СПб.: Синодальная типография, 1874. 95 с.
32. Сведения о состоянии Троицкого Александро-Свирского монастыря // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 1. Д. 69/3. Л. 1-30 об.

33. Сведения о состоянии Свято-Троицкого Ионы Климецкого монастыря, составленные по указанию предметов ежегодного донесения епархиального архиерея Святейшему Синоду о состоянии епархии за 1891 г. // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 2. Д. 24/1639. Л. 245 об.

34. Сведения о состоянии церквей, духовенства и прихожан по благочинию Каргопольских градских церквей за 1879 г. // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 196 об.

35. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. Краткая история монастыря с приложением важнейших документов. СПб.: Издание Александро-Свирского монастыря, 1901. 200 с.

36. Смолич И.К. Русское Монашество: Возникновение. Развитие. Сущность (988-1917). М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 1997. 607 с.

37. Сообщение заводского правления Петербургского литейного завода // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 126. Оп. 2. Д. 4/90. Л. 1.

38. Судебное дело о лесных угодьях и рыбных ловлях Важеозерской пустыни // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 15. Оп. 4. Д. 50/8. Л. 1–51.

39. Указ Олонецкой духовной консистории игумену Палеостровского монастыря // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 1. Д. 4/49. Л. 44.

40. Указ Олонецкой духовной консистории архимандриту Александро-Свирского монастыря Варлааму // Архив Санкт-Петербургского Института истории. Ф. 3. Оп. 1. Картон 29. Д. 6. Л. 15.

41. Указ Олонецкой духовной консистории о высылке в Палеостровский монастырь священника Полуборского прихода Андрей Иванов за повенчание пономарской дочери без воли родителей // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 65. Оп. 1. Д. 4/49. Л. 46.

42. Указ Синода о восстановлении Андрусовой Николаевской пустыни // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 7. Д. 15/1. Л. 51.

43. Формулярная ведомость о монашествующих // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 12. Д. 43/3. Л. 1-45.

44. Шаляпин С.О. К вопросу об устройстве средневековых монастырских темниц // XIII Ломоносовские чтения. Архангельск: Пом. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2001. С. 152-156.

45. Чудецкий П.И. Опыт исторического исследования о числе монастырей русских, закрытых в XVIII и XIX веках. Киев: Типография В. Давиденко, 1877. 67 с.

46. Ягодкин П. Задне-Никифоровская пустынь Олонецкой губернии и уезда. Петрозаводск: Олонецкая губернская типография, 1901. 65 с.

47. Яровой О.А., Спиридонов А.М. Валаам: от апостола Андрея до игумена Иннокентия (Очерки истории Валаамского монастыря). М.: Прометей, 1991. 324 с.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук; доцент кафедры экономики, управления производством и государственного и муниципального управления Института экономики и права Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of Economics, Production Management and State and Municipal Administration Department, Institute of Economics and Law, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.